

рениях, придыханиях и т. п., грубые опечатки в отдельных словах и неожиданные повороты квадратных скобок, не позволяющие понять, что А. И. Болтуновой восстановлено и что сохранилось на камне.

Значение этих надписей, при всей неясности и испорченности отдельных мест, неоспоримо в историческом отношении. Но еще более важна их новизна в палеографическом смысле. Начертания букв во многих случаях сходны с надписями никак не ранее IV века н. э., но все содержание — средней и поздней эпохи эллинизма. Говоря так, А. И. Болтунова в общем совершенно права. Она также совершенно права и тогда, когда находит этому объяснение в значительном сходстве армавирских надписей с папирусным письмом III и II веков до н. э., а именно — с памятниками литературного письма. Она приходит к выводу, что «армавирские надписи, являющиеся оригинальным и редким образцом применения в эпиграфике рукописного шрифта, представляют копии на камне написанных на папирусе текстов, сделанные неуклюжей и неопытной рукой». Это верно, но не до конца. Есть одна область эпиграфики, где этот шрифт представлен столь же богато, как и в армавирских текстах. Это — прежде всего керамические штампы амфор Родоса и Синопы, надписи на мегарских чашах, изредка — монеты Боспора, некоторые монументальные надписи Ольвии, а также надписи краской на сосудах быта и погребальных урнах III, II и начала I веков до н. э., но особенно II века до н. э. Это шрифт смешанный, промежуточный между обычным лапидарным и литературным папирусным. Поисков здесь, автор статьи ни на минуту не стал бы сближать свои надписи с эпохой поздней империи. Он нашел бы тут все формы букв, его сначала смутившие; вычурные π армавирских текстов, строчная ω , лунарные и остроугольные ϵ и σ нигде, кроме керамического алфавита, не найдут себе таких точных параллелей. Смешанный лапидарно-папирусный шрифт керамических клейм дает полные и лучшие образцы для письма армавирских надписей.

Текст керамических клейм перед их гравировкой писался людьми коммерческо-административного круга, среди которых, очевидно, и был в ходу этот смешанный, отнюдь не скорописный шрифт. Об этом шрифте писали Дюмон, Шухгардт, Нильсон и др. Армавирские надписи показывают возможность еще более широкого его применения. В текстах и первого и второго камней этот стиль проведен полностью и без всяких исключений в пользу обычного лапидарного стиля. В нем нет даже той двойственности, которая обычна для керамических штампов. Больше всего сходства — с палеографией керамического шрифта всей второй половины II и начала I века до н. э.

Небольшие промахи в статье А. И. Болтуновой покрываются историческим и специально эпиграфическим значением опубликованных памятников, а также оригинальностью и убедительностью большинства построений автора.

Проф. Б. Граков

В. ЧЕПЕЛЕВ. Об античной стадии в истории искусства народов СССР. М.-Л., 1941, 103 стр.

Работа В. Чепелева представляет собой новую, смелую попытку дать общую характеристику искусства древних народов, обитавших на обширном пространстве нашей страны от северо-западного побережья Черного моря до Кавказа и Средней Азии. Построения автора отличаются значительной оригинальностью, несомненным достижением его является стремление широко привлекать историко-культурный материал, а также данные мифологии.

Однако, несмотря на эти очевидные достоинства работы, трудно принять основное положение автора, что ряд народов нашей страны прошли «античную стадию» как некий этап их самобытного развития, создав при этом «своеобразное и интереснейшее искусство национальной античности» (стр. 12). Такое понимание антики вряд ли может быть принято, прежде всего потому, что антика — понятие конкретно-историческое, а не лишенная содержания схема. Антика — это греческий полис, эллинистические государства, римская республика и империя с их культурой и искусством.

Приложение термина «античная стадия» к другим народам, каждый из которых проходил свой самобытный путь развития и имел свою историю, стирает эти особенности и в конечном счете является вряд ли более приемлемым, чем старая теория «влиятий», против которой автор решительно восстает.

Произволу в употреблении термина «античность» вполне отвечают историко-художественные сопоставления автора: Он пишет: «Нам представляется возможным говорить о том, что в Кыз-Кала и Беркут-Кала с их сплошными полуколоннами на фасадах мы имеем восточный «вариант» дорической или ионической колоннады, выраженной в местной своеобразной декоративности. Это характерная архитектурная особенность среднеазиатской античности» (стр. 60).

Не приходится говорить о том, что обработка фасадов среднеазиатских сооружений полукруглыми в плане выступами, несколько напоминающими полуколонны, решительно ничего не имеет общего ни по внешнему облику, ни тем паче по заложенной в них архитектурной идее с эллинскими ордерами.

Работа В. Чепелева грешит недостаточно четким построением, отсутствием внутренней связи между отдельными экскурсами и несколько расплывчатыми, туманными формулировками, — все это затрудняет понимание мысли автора, а иной раз и полемику с ним. Таких «неясных» мест можно привести немало. Повествуя о кромлехе Зангезура, автор, например, пишет: «Поставленные с интервалами глыбы кромлеха, этого «родового акрополя», символизируют небо» (стр. 33). Непонятно, как кромлех служит акрополем (вместе с тем символизируя небо). Далее говорится: «В искусстве Боспора Киммерийского, в искусстве скифо-сарматской античности вырабатывается та сложная и разнообразная стилистическая интерпретация образа человека, которая несет в себе и «восточное» декоративное начало и в известном смысле примитивно — анимистическое осмысление греческой эстетической концепции» (стр. 47). Непонятно, о какой интерпретации образа человека в скифо-сарматском искусстве идет речь.

Некоторые исторические построения по меньшей мере необоснованы, как, например, положение, что «македонское движение IV века до н. э. на Восток только способствовало более быстрому развитию того «эллинизма», который был органически присущ Востоку и зародыши которого в архаический, «гомеровский» период зрели в местной национальной среде» (стр. 36).

Автор иногда объединяет в единое целое вовсе неоднородные явления. Так, он говорит о скифо-боспорской культуре (стр. 12) или, что особенно странно, о киммеро-скифских курганах.

Встречаются погрешности и в фактических данных. Так, наши степные поселения отнюдь не изобилуют терракотами с мифологическими сюжетами (стр. 49). Датировка Чертомлыцкой амфоры II веком н. э. (стр. 47) устарела.

Мифологические данные, видимо, почерпнуты не из первоисточников; во всяком случае автору не удалось избежать досадных погрешностей в этой области. Так, он говорит (стр. 25), что «эпизод борьбы Ахилла с Пентизелеей при осаде Трои» включен в «Илиаду», а в другом месте (стр. 18) утверждает, что Язон боролся с грифонами за золото.

В заключение следует отметить, что терминология не всегда удачна, например, выражение «этнический ландшафт» (стр. 15). Не лишена работа и многочисленных стилистических погрешностей. Ограничимся двумя примерами: на стр. 16 мы читали: «Ахалгорийский клад, отложивший в себе творчество ионов». На стр. 33 автор пишет: «При этом вгляде сама история искусства этих стран приобретает новое значение, и даже, например, такая архаическая разновидность этого искусства, как кромлехи, этот гибрид скульптуры и архитектуры (выступающие на Кавказе, в частности в Армении, в своей мегалитической завершенности формы) дает большую историческую рефлексию».

Будем надеяться, что вслед за рецензируемой работой появятся другие труды, которые осветят искусство древних народов нашей страны во всем его богатстве, учитывая самобытный характер и своеобразие в творчестве каждого из этих народов.

Проф. В. Блаватский